

УДК 81'27
ББК 81.001.2

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК АТРИБУТИВНОЕ СВОЙСТВО СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МНОГОЯЗЫЧНОГО РЕГИОНА ¹

А.Н. Шовгенин

В статье определены источники и сущность феномена лингвокультурной напряженности, неизменно возникающей при коммуникативном взаимодействии в социалингвистическом пространстве жителей современного многоязычного региона. Охарактеризована специфика использования ими в институциональном общении разностатусных языков.

Ключевые слова: лингвокультурная напряженность, интеграция мигрантов, ассимиляция, социалингвистическое пространство, многоязычный регион.

Современный многоязычный регион представляет собой сложный феномен, изучая который исследователь решает ряд лингвистических, культурологических, социологических задач с учетом роли миграции в жизни принимающего общества.

Интеграция мигрантов в новое и чужое для них окружение является общественной задачей, которая встает снова и снова в каждой конкретной принимающей стране, отличающейся от любой другой своим политическим и социальным «само собой разумеющимся». В силу различных причин сотни тысяч людей ежегодно покидают родину и вынуждены устраивать свою жизнь в новых общественных, культурных и политических условиях, не освобождаясь при этом от привычного социального и культурного опыта. Процесс адаптации занимает длительное время, он осложняется сравнительно низким материальным статусом мигрантов, который становится очевидным при их переселении в страну с более сильной экономикой. Кроме того, привычный образ жизни мигрантов претерпевает значительные, не всегда им понят-

ные, изменения, что создает социальные проблемы и психическое напряжение, в конечном итоге усугубляя социальную незащищенность переселенцев.

Часто эти люди сталкиваются с недоверием, предубеждениями, отсутствием проявлений доброй воли и слепым эгоизмом. Однако интеграция не является сугубо личной проблемой мигрантов, а приобретает общественный характер и требует совместных усилий всех непосредственно и опосредованно задействованных в этом процессе лиц.

Термин «интеграция» многозначен. Наиболее часто он используется при обсуждении вопросов культуры, а в политических дискуссиях становится символом борьбы с иммиграцией и иммигрантами. Возможной реакцией на неоднозначность этого термина может быть исключение его из научного оборота, как предлагает В.-Д. Буков (W.-D. Bukow) [3, S. 107]. Однако, на наш взгляд, более целесообразным представляется определить этот термин так, чтобы можно было применить его в социалингвистической исследовательской практике. Р. Мюнх (R. Münch) в своем исследовании экономических, политических и социологических интеграционных теорий убедительно показал, что еще ни одна теория не дала исчерпывающего объяснения всем аспектам интеграции и поэтому для решения конкрет-

ных исследовательских задач следует прибегать к специфическим теоретическим подходам [6, S. 103].

Если исходить из предложенного Д. Локвудом (D. Lockwood) разграничения системной и социальной интеграции [5, S. 128], то при характеристике интеграции мигрантов следует говорить о социальной интеграции, которая касается конфликтных отношений актантов (отдельных индивидов и групп) друг с другом, а также с общественными институтами и обществом в целом.

Конкретизация и дифференциация процессов социальной интеграции предложена в концепции Х. Эссера (H. Esser) и основывается на разграничении четырех ее форм, а именно культурности, локальности, интеракции и идентификации [4, S. 8–10]. Под культурностью понимается обретение индивидами когнитивной способности к участию в социальной жизни. Локальность предполагает структурную интеграцию в форме социального позиционирования в важнейших сферах общества, в первую очередь сюда относятся занятость и жилье. Интеракцией характеризуются социальные контакты, включение в социальные сети, а также участие в публичной деятельности. В случае идентификации речь идет о субъективной локализации индивидов внутри общества. При этом возникает взаимовлияние разных измерений интеграции. Например, необходимо обладать определенным уровнем культурности для удачной интеграции на рынке труда и в социальных сетях.

Р. Парк (R. Park) и Чикагская школа социологии представляли интеграцию мигрантов как закономерный, затрагивающий жизнь нескольких поколений процесс, на последней ступени которого исчезает любая отчужденность. Для характеристики этой ступени используется метафора плавильного котла (melting pot), в котором смешиваются различные культуры мигрантов, образуя нечто новое и гомогенное. Однако, по мнению Р. Парка, процесс приспособления переживают не только мигранты – все принимающее их общество изменяется вместе с ними. Процесс взаимного уподобления исследователь называет ассимиляцией [7, p. 104]. В рассмотренной выше концепции Х. Эссера ассимиляция понимается как односторонний процесс приспособления мигран-

тов к принимающему обществу; при этом осуществляется самими мигрантами, хотя открытость принимающего общества является условием ее успеха. Важнейшую цель интеграции Х. Эссер видит в исчезновении противопоставления групп [4, S. 19].

Социальная интеграция всегда предполагает продуктивную языковую коммуникацию, которая является настолько естественной составляющей общественного процесса, что ее фактор зачастую игнорируется в лингвистических исследованиях. Однако лингвистический компонент приобретает особую значимость при осмыслении сущности современного многоязычного региона, поскольку мигранты на новом месте проживания погружаются в сложившуюся систему социальных институтов принимающего общества, функционирование которых обеспечивается единым государственным языком. Именно он делает границы между социальными институтами или, если рассматривать с лингвистической точки зрения, между тематическими областями коммуникативной практики, незаметными, абсолютно проницаемыми для представителей языкового большинства. В наших предыдущих работах показано, что коммуникация между конкретными индивидами всегда осуществляется в рамках определенного социального института (см., например: [2]). Это становится особенно очевидным, когда общение происходит между коренным жителем и мигрантом, не владеющим (или владеющим в недостаточной мере) языком принимающего общества. Отсутствие возможности пользоваться этим языком ограничивает коммуникативную активность мигранта семейным кругом или диаспорой.

Доказательством особого коммуникативного статуса ближайшего круга общения в иммигрантской среде могут служить результаты анализа русскоязычной прессы Германии, представляющей собой особый вариант институционализированной письменной речи [1]. Зафиксированные в ней заимствования из немецкого языка можно распределить на группы по институциональному принципу. При этом заимствований, характеризующих сферы жизни, относительно обособленные от общества языкового большинства, к которым относится, прежде всего, семья, не зафиксировано,

хотя в газетах эта тема представлена достаточно широко.

Функционирование множества языков в рамках социального пространства, поддерживаемого одним языком, недоступным для некоторой части индивидов, составляющих это пространство, неизбежно ведет к формированию лингвокультурной напряженности, под которой понимается невозможность преодоления коммуникативного барьера. При этом лингвокультурная напряженность является следствием недостаточной языковой и коммуникативной компетенции.

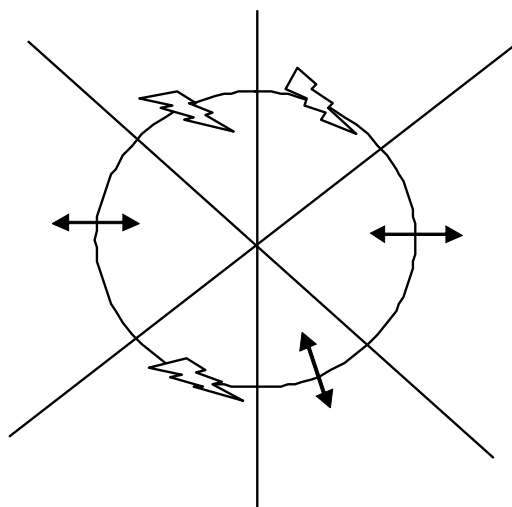
Как показывают проведенные нами в земле Северный Рейн – Вестфалия (Германия) опросы экспертов, занятых в области интеграции мигрантов (представителей муниципального и регионального управления, сотрудников благотворительных организаций, учреждений дошкольного и школьного образования, участников гражданских иммигрантских инициатив), лингвокультурная напряженность усугубляется существенными различиями в восприятии социальных процессов со стороны принимающих и интегрирующихся. Уровень такой напряженности максимален среди взрослых и минимален среди детей, но возрастает по мере увеличения культурно-языковой роли родителей в их социализации. Это не значит, что изначально дети не имеют языковых и коммуникативных проблем. Многие из них сохраняют потребность в языковой педагогичес-

кой поддержке в течение всего времени обучения в школе, по окончании которой стараются сразу устроиться на неквалифицированную работу.

Специфику языковой практики индивида в социалингвистическом пространстве многоязычного региона можно представить графически (см. рисунок). Языковое общение мигрантов осуществляется в разных тематических областях, соотносимых с социальными институтами; на рисунке их шесть, в действительности – множество. Средоточием тематических областей является индивид. Круг очерчивает его языковую практику, за пределами которой находится надындивидуальная языковая практика, складывающаяся из языковых практик иных индивидов. Стрелками обозначены тематические области-сектора, которые не представляют коммуникативной трудности для данного индивида. Сектора с молнией указывают на обратную ситуацию.

Каждая тематическая область со стороны индивида может быть реализована на каждом доступном ему языке и существует в надындивидуальной языковой практике потенциально на каждом из языков, бытующих в конкретном многоязычном регионе.

Неодинаковая степень освоения индивидом разных тем может быть передана посредством динамического (со смещением от центра) представления точки, в которой пересекаются линии разграничения тематических областей.

Языковая практика в многоязычном регионе

Ввиду того, что надындивидуальная языковая практика в многоязычном регионе предполагает постоянную возможность непонимания, каждый его житель сталкивается с коммуникативной точкой зрения с непроницаемыми областями, которые определены параметрами темы и языка. Полностью проницаемыми тематико-языковые области могут быть только для индивида, владеющего всеми локально представленными языками. С наибольшим количеством непроницаемых тематико-языковых областей сталкиваются индивиды, склонные к моно- или семилингвизму. Представители языкового большинства с меньшей вероятностью могут испытывать коммуникативные сложности, но даже минимальная их вероятность уже указывает на то, что лингвокультурная напряженность является атрибутом социолингвистического пространства многоязычного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке совместного гранта Министерства образования и науки РФ и DAAD по программе «Иммануил Кант II», проект № 15156.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Менг, К. Немецкоязычные элементы в русскоязычных газетах Германии / К. Менг, А. Н. Шовгенин // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – Вып. 5. – 2006. – С. 105–114.
2. Шамне, Н. Л. Теоретические основы построения алгоритма эколингвистического мониторинга / Н. Л. Шамне, А. Н. Шовгенин // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – 2010. – № 2 (12). – С. 153–161.
3. Die multikulturelle Stadt. Von der Selbstverständlichkeit im städtischen Alltag / W.-D. Bukow, C. Nikodem, E. Schulze, E. Yildiz. – Opladen : Leske+Budrich, 2001. – 475 S.
4. Esser, H. Integration und ethnische Schichtung. Gutachten im Auftrag der Unabhängigen Kommission “Zuwanderung” / H. Esser. – Mannheim : MZES, 2001. – 77 S.
5. Lockwood, D. Systemintegration und Sozialintegration / D. Lockwood // Zapf, Wolfgang (Hg.). Theorien des sozialen Wandels. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1969. – S. 124–137.
6. Münch, R. Elemente einer Theorie der Integration moderner Gesellschaften. Eine Bestandsaufnahme / R. Münch // Heitmeyer, Wilhelm (Hg.). Was hält die Gesellschaft zusammen? – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1997. – S. 66–109.
7. Park, R. E. The nature of race relation / R. E. Park // Ders.: Race and Culture. – Illinois : The free press, 1950. – P. 81–116.

LANGUAGE AND CULTURAL TENSION AS AN ATTRIBUTE OF A SOCIOLINGUISTIC SPACE OF A MULTILINGUAL REGION

A.N. Shovgenin

The article is aimed at considering the phenomenon of the linguistic and cultural tension occurring within the communication practice in a modern multilingual region and the usage of languages with the different status in the institutional communications.

Key words: *language and cultural tension, integration of migrants, assimilation, sociolinguistic space, multilingual region.*